

Очень легко было убедиться в том, что каменное зодчество древних постольку, поскольку они употребляли колонны, следовало образцам деревянного зодчества. По этому поводу Витрувий пустил в оборот сказку о хижине, которая с тех пор и доныне принимается многими теоретиками как святая истина; однако я убежден, что источники следует искать поближе.

Те дорические храмы древнейшего ордера, которые и сегодня еще можно увидеть в Великой Греции и в Сицилии, но которых не знал Витрувий, вызывают у нас естественную мысль, что отнюдь не деревянная хижина послужила для них образцом, пусть и весьма далеким.

Древнейшие храмы тоже воздвигались из дерева, и притом наипростейшим образом, — тогда заботились только о самом необходимом. Колонны несли главную балку, на нее опирались концы прочих балок, выпиравшие наружу, а поверх всего лежал карниз. Видимые концы балок были несколько обтесаны, — иначе плотники и не могут поступать, — впрочем, пространства между ними, так называемые метопы, не были даже забиты, так что туда можно было закладывать головы животных, приносимых в жертву, а Пилад в Еврипидовой «Ифигении в Тавриде» мог предлагать туда пролезть. Этот весьма устоявшийся, простой и суровый облик храма был, однако, свят в глазах народа, и, насколько возможно, ему подражали, когда начали строить здания из камня, создавая дорические храмы.

Весьма вероятно, что в деревянных храмах колоннами служили самые толстые стволы, потому что, как можно судить, их подставляли под главную балку без особых плотничьих ухищрений. Когда же эти колонны стали воспроизводить из камня, то хотели строить навечно; но не всегда был под рукой особо прочный камень, а для того, чтобы колонны имели надлежащую высоту, их приходилось составлять из кусков, и поэтому их делали очень толстыми по сравнению с высотой и сужающимися кверху, чтобы увеличить несущую силу.

Храмы в Пестуме, Сегесте, Селинунте, Гиргенте целиком построены из известняка, который более или менее похож на те породы туфа, которые в Италии называют травертином; храмы в Гиргенте построены также из самого мягкого ракушечника, какой только можно вообразить. Поэтому на них так воздействовали непогоды, разрушавшие их и без участия иных враждебных сил.

Да будет мне позволено здесь истолковать одно место у Витрувия; он рассказывает, что зодчий Гермоген, когда ему для воздвижения дорического храма доставили весь нужный мрамор, изменил свой замысел и построил храм ионический.

Витрувий, правда, указывает как причину, что этот зодчий, так же как и некоторые иные, не мог добиться согласного распределения тригффов; но мне хотелось бы верить, что он, увидев пред собой прекрасные глыбы мрамора, предпочел воздвигнуть из них более удобное и изящное здание, ибо новый материал не мог ему препятствовать в осуществлении такого замысла. Дорический ордер со временем также становился все более стройным, в храме Геркулеса в Коре в каждой колонне на разных уровнях высоты восемь разных диаметров.

Говоря все это, я не хотел бы навлечь на себя гнев сугубых сторонников формы древнедорических храмов. Я признаю, что они выглядят величественно, иные даже очень величественно. Однако природе человека всегда свойственно стремиться вперед, за пределы ранее поставленных целей; поэтому естественным было, что в соотношении толщины и высоты колонн глаз стремился ко все большей стройности, и дух воспринимал это как бо?льшую степень возвышенности и свободы.

Особенно сказывалось то, что из разных пород прекрасного мрамора вполне можно было изготовлять большие колонны целиком, а под конец из Египта стали доставлять в Азию и Европу и праотца всех камней — древний гранит; огромные великолепные глыбы позволили использовать его для самых грандиозных сооружений. Насколько я знаю, самые большие колонны из тех, которые известны сейчас, вытесаны из гранита.

Ионический ордер вскоре стал отличаться от дорического не только значительно большей относительной высотой колонн и украшениями канителей, но прежде всего тем, что фризы делались без тригффов и тем самым обходились без неизбежных прорывов при их делении. По моему представлению, тригффы никогда не проникли бы в каменное зодчество, если бы первые подражания деревянным храмам не были такими грубыми, если бы метопы сохранялись и заделывались, а фриз несколько более обрабатывался. Но я понимаю, что в те времена все это было еще недостижимо и для грубого ремесла естественно было воздвигать здание, просто укладывая одно бревно на другое.

Когда здание, освященное набожностью народа, становится образцом и по нему создают другие из совсем другого материала, — это уж судьба, подобную которой человеческий род испытывал и в сотне иных случаев в более близкие времена, причем последствия от них были куда хуже тех, что сказались в метопах и тригффах.

Перескакивая через много столетий, я нахожу подобные же примеры и стараюсь объяснить большую часть так называемого готического зодчества искусством резчиков по дереву; они исстари украшали ковчежцы для священных предметов, алтари и капеллы, которые потом со всеми их завитушками, переборками и шпилями, по мере роста могущества и власти церкви, насаживали на наружные стены северных сооружений и полагали, что тем самым украшают башни и бесформенные крыши.

К сожалению, все эти северные украшатели церквей старались достичь величия только тем, что умножали количество мелочей. Мало кто умел придать необходимые соотношения сочетаниям этих мелких форм, и потому возникали такие чудовища, как Миланский собор, в котором целая мраморная гора переработана ценою невероятных затрат и втиснута в самые жалкие формы; там и сейчас еще ежедневно мучат бедные камни, стараясь продолжить сооружение, которое не может быть кончено, ибо унылая глупость, породившая замысел, распорядилась создать столь же бесконечный план работ.

Комментарии

Статья написана вскоре по возвращении из Италии, напечатана в журнале Виланда «Немецкий Меркурий» в 1788 году и свидетельствует о перемене во взглядах Гете на искусство. По-прежнему отрицая предположение древнеримского архитектора Витрувия о том, будто образцом для храмов послужили древнейшие хижины, и выдвигая концепцию независимого от жилищ происхождения храмовых построек, Гете теперь пишет об эстетических качествах классической архитектуры с ее ордерами. Если раньше («О немецком зодчестве») образцовой для него была готика, то теперь он находит в ней изъяны, что заметно в отзыве о чрезмерном обилии деталей украшений Миланского готического собора.

Великая Греции — колонии Древней Греции на юге Италии.

Витрувий — древнеримский архитектор, автор «Десяти книг об архитектуре» (I в. до н. э.).

Храмы в Пестуме, Сегесте, Селинунте, Гиргенте. — Все перечисленные храмы находятся в Италии, и Гете видел их во время пребывания там.

Гермоген — древнегреческий архитектор II в. до н. э.

Храм Геркулеса в Коре. — Кора — город вблизи Рима.

...сооружение, которое не может быть кончено... — Строительство Миланского собора было начато в 1386 г. Сооружение было завершено при жизни Гете — между 1805 и 1819 гг.

А. Аникст